
Д.Е. Алимов

ПОЧЕМУ ХОРВАТЫ НЕ ЖЕЛАЮТ ВОЕВАТЬ
С ДРУГИМИ НАРОДАМИ?
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИЗВЕСТИЙ
КОНСТАНТИНА БАГРЯНОРОДНОГО
О ДОГОВОРЕ ХОРВАТОВ С РИМСКИМ ПАПОЙ (DAI, cap. 31)

В статье рассматриваются известия о договоре хорватов с римским папой, содержащиеся в 31-й главе трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.). Вопреки неоднократно высказывавшемуся в историографии мнению о том, что эти известия являются отражением реальных контактов хорватов с Римским престолом в VII в. или в правление хорватского дукса Бранимира (879 – около 892 г.), автор обосновывает гипотезу, согласно которой представление о клятве, данной хорватами папе, с обещанием не воевать против других народов и о полученной ими от папы молитве, обеспечивавшей хорватам заступничество апостола Петра в случае, если они сами подвергнутся нападению, возникло в связи с образованием во второй трети IX в. на территории подконтрольной франкам части Далмации гентильного королевства хорватов (*regnum Chroatorum*). Появление представления об особых отношениях хорватов с Римом, отразившегося в рассказе императора Константина Багрянородного о договоре хорватов с папой, рассматривается автором как результат коммуникации между франками и хорватами, обеспечивавшей взаимоприемлемую легитимацию нового статуса хорватской элиты в политико-идеологическом пространстве монархии Каролингов, для которой особые отношения с Римом и покровительство апостола Петра имели основополагающее значение. Образование гентильного королевства хорватов и обусловленная этим потребность в легитимизации нового статуса хорватской элиты связываются автором с новой «архитектурой безопасности», создававшейся на северо-восточном рубеже каролингского королевства Италия в период правления в нем короля Лотаря в процессе выхода Каролингской империи из крупномасштабного кризиса 829–834 гг.: именно в этой ситуации, по мнению автора, создались условия не только для эмансипации хорватов от франкских политических структур, но и для сознательного копирования хорватами франкских социокультурных моделей (*imitatio imperii*), включавшего усвоение франк-

ского этнополитического дискурса, позволившего переопределить хорватскую идентичность по франкскому образцу. Став элементом новой, основанной на каролингской культурной модели, хорватской идентичности, представление об особых отношениях хорватов с Римом, по мысли автора, вошло в хорватскую историческую традицию, использованную Константином Багрянородным при написании 31-й главы трактата «Об управлении империей».

Ключевые слова: Константин Багрянородный, Франкская империя, Каролинги, Хорватия, *imitatio imperii*

В 31-й главе трактата византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей» (середина X в.), посвященной описанию «страны хорватов»¹, приводится интересный рассказ о том, как хорваты, обращенные в христианство римским духовенством, вскоре после своего крещения заключили договор с папой римским: «[Знай], что эти крещеные хорваты не желают воевать против чужих стран, лежащих вне их собственной, ибо они при василевсе ромеев Ираклии получили некое предсказание и постановление от папы римского, пославшего священников и их крестившего. Эти хорваты после крещения заключили, собственноручно подписав, договор и дали св. апостолу Петру нерушимые твердые клятвы, что никогда не отправятся в чужую страну и не будут воевать, а, напротив, будут хранить мир со всеми желающими, получив, в свою очередь, от самого римского папы молитву, согласно которой, если какие-либо иные народы выступят против страны самих хорватов и принудят их воевать, то Бог ранее самих хорватов вступит в бой и защитит их, а ученик Христа Петр дарует им победу» (КБ 1991. С. 137–139)².

¹ 31-я глава входит в состав блока глав трактата (29–36), которые в историографии предложено условно называть «балканским» или «далматинским» досье (Howard-Johnston 2001. P. 314; Ančić 2011. S. 230). Исходя из датировки составления трактата в его целостном виде серединой X в. (между 948 и 952 гг.: Jenkins 1962; между 952 и 959 гг.: Shchavelev 2019), мы вместе с тем принимаем во внимание возможность более раннего появления справочных материалов, использованных императором в процессе работы над трактатом. Так, в 31-й главе не содержится известий о таком важном для Константинополя событии, как победа хорватов над войском болгарского царя Симеона в 926 г., что в ряду прочих соображений послужило основанием для появления в историографии гипотез о том, что текст, легший в основу 31-й главы, был написан в начале X в. (Howard-Johnston 2001. P. 323–324) или, что выглядит менее вероятным, еще в конце 870-х гг. (Živković 2012a. P. 67). Вопрос остается дискуссионным главным образом ввиду неопределенности времени правления фигурирующих в 31-й главе хорватских архонтов Крешимира и Мирослава. Для сюжета, рассматриваемого в настоящей статье, вопрос датировки использованного императором Константином текста в пределах первой половины X в. принципиального значения не имеет.

² DAI. P. 148, cap. 31: 31–42: «Ὅτι οὗτοι οἱ βαπτισμένοι Χρῶβατοι ἐξῶθεν τῆς ἰδίας αὐτῶν χῶρας πολεμεῖν ἄλλοτριᾶς οὐ βούλονται· χρῆσμόν γάρ τινα καὶ ὄρισμόν ἔλαβον παρὰ τοῦ πάπα Ῥώμης, τοῦ ἐπὶ Ἡρακλείου, τοῦ βασιλέως Ῥωμαίων, ἀποστείλαντος ἱερεῖς καὶ τούτους

Не менее интересно то, что, по словам императора, история с договором, заключенным в правление Ираклия, имела продолжение в гораздо более позднюю эпоху: «Через много лет, во дни архонта Терпимера, отца архонта Красимера, прибыл из Франгии (что между Хорватией и Венецией) некий муж по имени Мартин, из весьма благочестивых, хотя и одетых по-мирски, который, как говорили сами хорваты, совершил много чудес. Сей благочестивый муж, будучи слаб и не имея ног – так что его поднимали и носили четыре человека, куда бы он ни захотел, – заклинал хорватов хранить ту же заповедь святейшего папы до скончания их жизни, вознося за них и сам молитву подобную молитве папы. По этой причине ни длинные суда этих хорватов, ни кондуры никогда не отправлялись войною против кого-либо, если только не напали на них самих. Но на этих судах отправляются желающие вести торговлю из хорватов, обходя (от крепости к крепости) и Паганию, и залив Далмации вплоть до Венеции» (КБ 1991. С. 137–139)³.

Ввиду уникальности своего содержания известия императора Константина о договоре хорватов с папой давно привлекали к себе внимание ученых. Обычно в них видели свидетельство реальных контактов хорватов с Римским престолом, хотя далеко не все исследователи были готовы ответить на вопрос, какие именно события из истории этих контактов отразились в рассказе императора Константина. Трактовка в историографии известий о договоре во многом зависела от позиции, занимаемой тем или иным автором по более широкой проблеме интерпретации сведений о крещении хорватов, содержащихся в 30-й и 31-й главах трактата. Хотя в обеих упомянутых главах сообщается о принятии хорватами христианства из Рима, исторический контекст, в который помещено дан-

βαπτίσαντος. Καὶ γὰρ οὗτοι οἱ Χρῶβάτοι μετὰ τὸ αὐτοὺς βαπτισθῆναι συνθήκας καὶ ἰδιόχειρα ἐποίησαντο καὶ πρὸς τὸν ἅγιον Πέτρον, τὸν ἀπόστολον ὄρκους βεβαίους καὶ ἀσφαλεῖς, ἵνα μηδέποτε εἰς ἄλλοτρίαν χώραν ἀπέλθωσιν καὶ πολεμήσωσιν, ἀλλὰ μάλλον εἰρηνεύειν μετὰ πάντων τῶν βουλομένων, λαβόντες καὶ παρὰ τοῦ αὐτοῦ πάπα Ῥώμης εὐχὴν τοιαύτην, ὡς εἴ τις ἄλλοι ἐθνικοὶ κατὰ τῆς τῶν αὐτῶν Χρῶβάτων χώρας ἐπέλθωσιν καὶ πόλεμον ἐπενέγκωσιν ἵνα τῶν Χρῶβάτων ὁ Θεὸς προπολεμῇ καὶ προίσταται, καὶ νίκας αὐτοῖς Πέτρος ὁ τοῦ Χριστοῦ μαθητὴς προξενεῖ».

³ DAI. P. 148, 150, cap. 31: 42–57: «Μετὰ δὲ χρόνους πολλοὺς ἐν ταῖς ἡμέραις Τερπημέρη τοῦ ἄρχοντος, τοῦ πατρὸς τοῦ ἄρχοντος Κρασημέρη, ἐλθὼν ἀπὸ Φραγγίας, τῆς μεταξὺ Χρῶβατίας καὶ Βενετίας, ἀνὴρ τις τῶν πάντων μὲν εὐλαβῶν, Μαρτίνος ὀνόματι, σχῆμα δὲ κοσμικὸν περιβεβλημένος, ὃν καὶ λέγουσιν οἱ αὐτοὶ Χρῶβάτοι θαύματα ἱκανὰ ποιῆσαι· ἀσθενὴς δὲ ἂν ὁ τοιοῦτος εὐλαβῆς ἀνὴρ καὶ τοὺς πόδας ἠκρωτηριασμένος, ὥστε ὑπὸ τεσσάρων βασιτάζεσθαι καὶ περιφέρεισθαι, ὅπου δ' ἂν καὶ βούλεται τὴν τοιαύτην τοῦ ἁγιοτάτου πάπα ἐντολὴν τοῖς αὐτοῖς Χρῶβάτοις διατηρεῖν μέχρι τέλους ζωῆς αὐτῶν ἐπεθέσπισεν, ἐπευξάμενος δὲ καὶ αὐτὸς αὐτοῖς τὴν ὁμοίαν τοῦ πάπα εὐχὴν. Διὰ τοῦτο οὔτε αἱ σαγῆναι τῶν τοιοῦτων Χρῶβάτων, οὔτε αἱ κονδοῦραι οὐδέποτε κατὰ τινος πρὸς πόλεμον ἀπέρχονται, εἰ μὴ ἄρα τις κατ' αὐτῶν ἐπέλθοι. Πλὴν διὰ τῶν τοιούτων πλοίων ἀπέρχονται οἱ βουλόμενοι τῶν Χρῶβάτων διοικεῖν ἐμπόρια, ἀπὸ κάστρον εἰς κάστρον περιερχόμενοι τὴν τε Παγανίαν καὶ τὸν κόλπον τῆς Δελματίας καὶ μέχρι Βενετίας».

ное событие в каждой из глав, существенно различия: в то время как в 31-й главе в роли инициатора крещения выступает император Ираклий (610–641 гг.), по повелению которого хорватов, во главе которых стоял «архонт» Порга, крестили римские священники (DAI. P. 148; КБ 1991. С. 137), в 30-й главе говорится, что хорваты сами попросили Рим о крещении после того, как свергли с себя господство франков, и были крещены в правление «архонта» Порина (DAI. P. 144; КБ 1991. С. 133). Притом что в историографии уже давно было высказано логичное суждение, согласно которому 30-я глава при описании прошлого хорватов следовала исторической традиции самих хорватов, а 31-я глава представляла собой византийский, обусловленный имперской оптикой, взгляд на события хорватского прошлого (что, в частности, позволило многим исследователям отождествлять Поргу и Порина), вопрос о том, как обе эти версии соотносятся с реалиями VII–IX вв., остается предметом дискуссий (Lončar 1992; Vedriš 2010; Živković 2012a; 2012b; Коматина 2021. С. 170–210).

Для тех авторов, которые были склонны доверять информации о крещении хорватов в VII в., известие о договоре с папой служило дополнительной подробностью, позволявшей реконструировать не освещенную в других источниках историю хорватов эпохи «темных веков» (Sakač 1931; Dabinović 1941; Mandić 1963. S. 136–137; Markotić 1965). В лагере же скептиков наиболее влиятельной оказалась гипотеза Ф. Шишича, рассматривавшего известия трактата о договоре хорватов с папой как отражение политики хорватского правителя Бранимира, получившего в 879 г. благословение от папы Иоанна VIII (Šišić 1914. S. 47–48).

В новейшее время сюжет с договором был заново рассмотрен П. Коматиной, который пришел к выводам, открывающим новые перспективы в интерпретации данного сюжета. Первостепенное значение имеют следующие отмеченные исследователем пункты: 1) известие о заключении хорватами договора с папой и известие о миссии в Хорватии благочестивого мужа Мартина, призывавшего хорватов соблюдать договор, содержатся в одном и том же тематическом разделе 31-й главы (начинающемся подобно другим разделам обращенным к сыну императора Константина словом "Оти – «знай»»), что, учитывая присущие трактату принципы систематизации информации, с большой долей вероятности свидетельствует о происхождении обоих известий из одного и того же источника; 2) в обоих известиях при упоминании договора с папой используется близкая по смыслу специфическая лексика, что также указывает на единый источник информации о договоре; 3) в документах Римского престола совершенно отсутствуют какие-либо свидетельства о договоре с хорватами, вследствие чего реальное существование такого договора выглядит сомнительным (Komatina 2010. S. 86–89).

Ясное осознание факта отсутствия каких-либо следов договора хорватов с папой в источниках VII–IX вв. на фоне наблюдений текстологического характера, позволяющих говорить о том, что известия императора Константина о договоре и о миссии Мартина, скорее всего, восходят к одному и тому же источнику, привело исследователя к нестандартному, но, как кажется, наиболее убедительному разрешению вопроса о договоре хорватов с папой. А именно, вся история о договоре, каким бы путем она ни попала на страницы трактата, должна была в конечном счете исходить от Мартина, предпринявшего путешествие в Хорватию с целью убедить хорватов соблюдать мир. «Архонта Терпимера», в правление которого Мартин посетил Хорватию, П. Коматина справедливо (и вопреки сомнениям, долгое время терзавшим историографию) отождествил с хорватским дуксом Трпимиром, правившим в середине IX в. (Komatina 2010. S. 83–86). Убедительно ответил исследователь и на вопрос, зачем Мартину потребовалось убеждать хорватов в необходимости проведения мирной политики: причиной должна была являться зафиксированная в источниках военная активность славян в северной части Адриатики в 830–840-е гг., включавшая нападения на Фриуль, о которых прямо сообщает лангобардский хронист Андрей Бергамский (Ibid. S. 90–92).

По словам П. Коматины, все указывает на то, что историю с договором хорватов с Римом придумал сам Мартин. Мартин хорватам эту историю представил как пророчество папы и, пользуясь своим авторитетом, пытался убедить их в ее истинности (Ibid. S. 89). Не подвергая сомнению логичность самой идеи, согласно которой представление о договоре хорватов с папой было следствием миссии Мартина, нельзя, однако, не признать наличия определенных затруднений, возникающих в случае принятия этой идеи за основу при интерпретации рассказа императора Константина. На эти затруднения справедливо обратил внимание М. Лончар (Lončar 2010). Так, комментируя мысль, что Мартин сам выдумал роль папы, чтобы побудить хорватов соблюдать мир, М. Лончар задается скептическим вопросом, как при этом иноземный гость мог вспомнить именно того папу, который крестил хорватов. Невероятной представляется М. Лончару и ситуация, в которой Мартин, обращаясь к хорватам, ссылаясь бы на то, что они сами совершили в прошлом и о чем затем забыли (Ibid. S. 113).

Прежде чем, следуя совету М. Лончара, продолжить рефлексию над известиями императора Константина, следует сделать некоторые замечания методологического характера. В современной научной литературе, посвященной трактату, наблюдается стремление осмыслять любые сведения трактата, в том числе те, которые относятся к ранней истории хорватов, не только в тесной связи с идейным замыслом произведения и

его нарративными стратегиями, но и – что не менее, а то и более важно – в контексте отразившегося в трактате «социального знания». Последнее понятие в том значении, в каком его употреблял О.-Г. Эксле (устойчивые схемы истолкования действительности), успешно использовал в своем анализе содержания глав «далматинского досье» М. Анчич (Ančić 2011. S. 230–252). Можно сказать, что того же рода «социальное знание» (но уже без использования самого этого термина) имели в виду и другие авторы, в разное время демонстрировавшие схожий подход к анализу известий трактата о ранней истории хорватов (см., например: Budak 1995; Алимов 2008). Одним из следствий такого подхода стало рассмотрение этих известий сквозь призму конвенций жанра *origo gentis* или, если выразиться точнее, – в контексте тех схем истолкования действительности, которые создают у современных читателей впечатление о существовании таких конвенций⁴.

Может ли помочь этот исследовательский подход в интерпретации сюжета о договоре хорватов с папой? Здесь хотелось бы, прежде всего, обратить внимание на одну деталь, как кажется, ускользавшую от внимания исследователей. Речь идет о фразе «через много лет» / «спустя много времени» (Μετὰ δὲ χρόνους πολλοῦς), предваряющей в изложении императора Константина известие о миссии Мартина. Давно замечено, что фразами подобного типа в устных исторических традициях обозначался так называемый «плавающий разрыв» (*floating gap*), отделявший внеисторическое мифологическое время от эпохи, о которой сохранились исторические воспоминания (Vansina 1985. P. 23–24). Это обстоятельство представляется тем более важным, что рассказ о прошлом хорватов, содержащийся в 31-й главе трактата, может и должен рассматриваться как своего рода византийская интерпретация хорватской исторической традиции, которая в более аутентичной форме дошла до нас в составе 30-й главы. Между тем картина прошлого хорватов, представленная в 30-й главе и воспроизводящая, по мнению большинства исследователей, хорватскую традицию, лучше всего может быть осмыслена как структурно организованный этногенетический миф (Алимов 2016. С. 136–212). К элементам данного мифа относятся мотивы переселения, победы над могущественным врагом и крещения из Рима, которые являются общими для 30-й и 31-й глав. В отличие от 30-й главы, в 31-й главе эти элементы оказались интегрированы в схему, в которой роль вершителя судеб хорватов была приписана императору Ираклию (Алимов 2018), причем

⁴ Такой подход к изображению древнейшего прошлого хорватов на страницах трактата «Об управлении империей» позволил, в частности, А. Милошевичу поставить под сомнение популярное в историографии отождествление Порина / Порги с Борной, предложив видеть в загадочном хорватском архонте славянского бога Перуна (Milošević 2013; в развитие темы см.: Alimov 2016).

один из элементов, «крещение из Рима», послужил тем самым событием, с которым император Константин связал заключение договора хорватов с папой. Если данная интерпретация верна, то присутствие в рассказе 31-й главы характерной фразы «спустя много лет» совсем не кажется случайным: здесь эта фраза фактически отделяет время мифа, структурными элементами которого являются мотивы переселения и крещения, от исторического времени Тримира, т.е. отражает не столько византийскую, сколько хорватскую перспективу в восприятии прошлого.

Из этого следует, что Мартин едва ли мог апеллировать к эпохе Ираклия, напоминая хорватам об их якобы данном в те времена обещании не воевать. В то время как представление о крещении хорватов из Рима было элементом хорватского мифа о происхождении, привязка этого события к эпохе Ираклия была следствием встраивания хорватской традиции в проникнутый имперской идеологией исторический нарратив, создаваемый в Константинополе⁵. Это позволяет предложить иную интерпретацию сюжета с договором и клятвой, нежели допустить странную ситуацию, при которой Мартин, пусть и в благих целях, вводил хорватов в заблуждение, сообщая им об их прошлом то, чего они не знали. Успех и значимость миссии Мартина определялись тем, что он как наделенный харизмой и авторитетом представитель «Франкии» участвовал в важном акте коммуникации с хорватской элитой. При этом если для Мартина цель коммуникации заключалась в том, чтобы убедить хорватов в необходимости соблюдения мира с соседями (прежде всего, с франками), то для хорватов сам акт подобной коммуникации должен был означать признание их политической субъектности внутри каролингского мира.

Поэтому, если Мартин, обращаясь к хорватам, апеллировал к некой картине прошлого, то эта картина, вне зависимости от того, была ли она реальной или фиктивной, должна была быть приемлемой для обеих сторон коммуникативного процесса. Если задаться вопросом, на чем она могла основываться, то ответ было бы логичным искать в тех исторических представлениях, которыми обладали франки и которые хорваты могли усвоить в процессе своего вхождения в каролингскую цивилизацию. Рассказ о договоре содержит деталь, которая может помочь ответить на вопрос, о каких именно представлениях идет речь. Так, по словам императора, хорваты получили от папы молитву, согласно которой в случае нападения на хорватов Бог защитит их в бою, а апостол Петр дарует им

⁵ В самом Риме обращение хорватов в христианство, как следует из письма папы Иоанна VIII Бранимиру (CD. Vol. I. P. 14) и особенно из письма папы Иоанна X (914–928) хорватскому королю Томиславу и захумскому дуксу Михаилу (Ibid. P. 34), связывалось если не с апостольскими временами, то по крайней мере, с эпохой существования Римской империи, так как оба понтифика исходили из убеждения в том, что славяне уже в те времена населяли Иллирик.

победу. Знаменательно также замечание, что Мартин, убеждая хорватов соблюдать данные папе обязательства, сам возносил за них «молитву, подобную молитве папы». Коль скоро апелляция к Риму и апостолу Петру, согласно принятой нами интерпретации П. Коматины, исходила от самого Мартина и, очевидно, присутствовала в той самой молитве, которую он возносил за хорватов, то, стало быть, в поисках источника отразившихся здесь представлений о прошлом необходимо обратиться к тому сегменту каролингской культуры, в котором артикулируется роль Римского престола как духовного центра каролингского мира.

Как известно, ключевым событием в оформлении каролингского культа св. Петра стало заключенное в 754 г. соглашение короля Пипина с римским папой Стефаном II, обеспечившее защиту франками папских владений от лангобардов и открывшее дорогу для формирования папского государства под протекторатом Каролингов (т.н. «Пипинов дар»). Одним из элементов этого соглашения, окончательно оформленного во время пребывания папы в Кьерси-сюр-Уаз, была клятва, данная Пипином папе и апостолу Петру (Caspar 1914. S. 10–53; Daly 1973. P. 64). Эта клятва, которую Пипин принес, возможно, еще до оформления окончательного соглашения в Кьерси, во время пребывания папы в резиденции франкского монарха в Понтионе, в любом случае являлась отдельным от «Пипинова дара» самостоятельным документом, в котором франкский король обязывался восстановить справедливость и защитить Римскую церковь (Caspar 1914. S. 18). В 774 г. подобную же клятву принес преемник Пипина Карл Великий. Обе клятвы существовали в письменном виде (Ibid. S. 18).

Представление о том, что апостол Петр является покровителем Каролингов и созданной ими монархии, ярким образом отразилось во франкском историописании. В первую очередь, здесь стоит вспомнить описание победоносной битвы войска Пипина с лангобардами, содержащееся в «Истории или деяниях франков» – историографическом памятнике, созданном между 751 и 768 гг. дядей короля Пипина Хильдебрандом и его сыном Нибелунгом. Согласно описанию кампании 754 г., лишь небольшая часть франкского войска, пришедшего в Италию, смогла преодолеть узкие горные перевалы, когда король лангобардов Айстульф, полный решимости отразить вторжение Пипина, приказал всем своим воинам выступить против франков. По словам источника, «узнав об этом, франки посчитали, что своими силами и средствами они не смогут спастись, и взмолились Богу и стали просить святого Петра о заступничестве» (Хроники Фредегара 2017. С. 258)⁶. Похожее описание битвы франков с лан-

⁶ «Haec cementes Franci, non suis auxiliis nec suis viribus liberare se putabant, sed Deum invocant et beati Petri apostoli adiutorem rogant; comissoque proelio, fortiter inter se demicantes» (MGH SRM 1888. T. II. P. 184).

гобардами содержится и в другом памятнике каролингской историографии – старшей редакции *Анналов королевства франков* (*Annales Regni Francorum* 1895. P. 12). При этом, согласно данному памятнику, история в значительной степени повторилась в правление Карла Великого во время его похода против короля лангобардов Дезидерия, предпринятого в 773 г. По словам анналиста, «благодаря Божьей помощи и заступничеству блаженного апостола Петра», Карл и его верные беспрепятственно вошли в Италию, заняв оставленные Дезидерием укрепления (*Ibid.* P. 36). О том, что в представлении франков помощь апостола Петра сопутствовала им не только тогда, когда они защищали апостольскую столицу, свидетельствует эпизод из еще одного памятника франкской историографии времен Карла Великого – «Ранних Мецких анналов» (806 г.). При описании результатов произошедшего в 743 г. победоносного сражения войск Пипина, еще бывшего в то время майордомом франков, с войском баварского дукса Одилона, анналист сообщает о пленении франками некоего пресвитера Сергия, который, действуя в интересах Одилона, еще до начала битвы пытался убедить франков не выступать против баваров. Ввиду того, что Сергий, увещевая франков, ссылаясь на авторитет папы Захарии, Пипин, по словам анналиста, обратился к захваченному клирику со следующими словами: «О, господин Сергий, теперь мы узнали, что ты не святой апостол Петр и не несешь на самом деле его послания. Ибо ты говорил нам вчера, что господин папа властью святого Петра и своей собственной отменил нашу юрисдикцию над баварами, и мы сказали тебе, что ни святой Петр, ни господин папа не уполномочили тебя решать это дело. Поэтому знай: если бы святой Петр знал, что правда не на нашей стороне, он сегодня не оказал бы нам помощь в этой битве. Ныне же будь уверен, что благодаря вмешательству блаженного князя апостолов Петра, по приговору Божьему, которому мы, не откладывая, подчиняемся, Бавария и бавары принадлежат к империи франков»⁷.

Как видно, такие элементы рассказа о договоре хорватов с папой как принесение хорватами клятвы апостолу Петру, которую хорваты, по словам императора Константина, собственноручно подписали, и полученное ими в ответ на их обещание заступничество со стороны апостола находят соответствие в истории взаимоотношений с Римским престо-

⁷ Перевод И. Дьяконова at URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Mettenses/frametext1.htm (дата обращения 02.08.2024) – «O domine Sergi, modo cognovimus, quia tu non es sanctus Petrus apostolus nec legationem illius ex veritate geris. Dixisti enim nobis hesternae die, quod dominus apostolicus ex auctoritate sancti Petri et sua nostrum iusticiam de Baiuariis contradixisset, et nos diximus tibi, quod sanctus Petrus nec dominus apostolicus te istam causam non ordinasset dicere. Iccirco scias, si sanctus Petrus cognovisset, quod nostra iusticia non fuisset, hodie in isto bello nobis adiutorium non prestisset. Nunc vero certus esto, quod per intercessionem beati Petri apostolorum principis, per iudicium Dei, quod subire non distulimus, Bawariam Bawariosque ad Francorum imperium pertinere» (*Annales Mettenses Priores*. 1907. P. 34–35).

лом Пипина и Карла Великого (принесение письменных клятв апостолу Петру), и в отражении этих отношений в каролингской историографии (заступничество апостола Петра в войнах с баварами и лангобардами). Единственное, хотя и существенное, различие между франками и хорватами наблюдается в самом содержании данных ими клятв: в то время как франки обязывались перед св. Петром защищать Римскую церковь, хорваты давали апостолу обещание не нападать на чужие народы. Является ли случайным этот параллелизм? Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего определить место, какое хорваты занимали в каролингском мире в период миссии Мартина.

Ключевым источником, позволяющим судить о статусе хорватской политики в правление Трпимира, является грамота, данная этим правителем Сплитскому архиепископству (CD. Vol. I. P. 3–8). Грамоту, в протоколе которой сообщается, что она была издана «в правление в Италии благочестивейшего Лотаря, короля франков, в XV индикт, 4 марта», можно датировать периодом между 839 г., когда в Хорватии, судя по данным «Истории венециков» Иоанна Дякона, правил еще не Трпимир, а его предшественник Мислав (Documenta. P. 335), и 844 г., когда королем Италии стал сын Лотаря Людовик II (Margetić 1993; Matijević Sokol 2010)⁸. Как видно, грамота свидетельствует о том, что в 840-е гг. Хорватия находилась в политической связи с каролингским королевством Италией во главе с Лотарем, очевидно, выступавшим для Трпимира в роли непосредственного сюзерена. К этому стоит добавить, что при описании дарений, предоставленных Трпимиром Сплитской церкви, здесь говорится о том, что она распространяет свою власть на всё «королевство хорватов» (*regnum Chroatorum*). Следовательно, ко времени издания грамоты на территории подвластной Каролингам части Далмации существовал особый этнополитический организм, «королевство хорватов», очевидно, относившийся к разряду т.н. гентильных королевств, т.е. политических структур, легитимация которых основывалось на принадлежности возглавлявших их элит к этнополитическим общностям, определяемым в источниках терминами «gens» и / или «natio» (подробнее см.: Werner 1997; Goetz 2003). Фигурирующий в грамоте титул Трпимира, «дукс хорватов» (*dux Chroatorum*), также указывает на гентильную легитимацию его власти.

Существование в 840-е гг. в каролингской политической орбите «дукса хорватов» и «королевства хорватов» является фактом первосте-

⁸ Такая датировка грамоты, предложенная Л. Маргетичем и поддержанная М. Матиевич-Сокол, выглядит более вероятной, чем принятая прежде в историографии датировка 852 г., основанная на том, что после 839 г. именно 852 г. соответствует пятнадцатому индикту. Как справедливо заметил Л. Маргетич, ошибка в указании индикта более вероятна, чем в обозначении статуса Лотаря (Margetić 1993. S. 47).

пенной важности для определения статуса хорватской политики внутри каролингского мира. Дело в том, что представление о хорватах как об этнополитическом организме, то есть как об общности типа *gens / natio*, могло сложиться лишь тогда, когда местной элитой был усвоен соответствующий способ репрезентации политической реальности в этнических категориях. Первым на это указал Д. Джино, по словам которого титул дукса хорватов мог быть «следствием политической софистики в Далмации, процесса политогенеза и интеграции далматинских элит в каролингские политические структуры, а не отражением уже существовавшей в IX в. “хорваткости”» (Dzino 2010. P. 209). Иными словами, первоначальная хорватская идентичность, о характере которой трудно сказать что-либо определенное, в рамках усвоения хорватами франкской культуры должна была подвергнуться своего рода переопределению в соответствии с принятыми в каролингском мире моделями.

Говоря об этом, необходимо учесть, что ранее, в 810–820-е гг., в освещавших ситуацию в Далмации франкских источниках ни о каком королевстве хорватов не говорилось, а местный правитель Борна фигурировал в них то как *dux Guduscanorum*, то есть вождь неких «гудусканов» (племня? локальная группа?), то как правитель Далмации (и Либурнии) – *dux Dalmatiae (atque Liburniae)* (Documenta. P. 320–325). Разумеется, было бы не вполне корректно ставить в один ряд свидетельства франкских авторов, которые использовали в отношении Далмации свои собственные идентификационные стратегии, и слова грамоты, исходившей от самого хорватского правителя, так как мы не знаем, как сами определяли свой статус предшественники Трпимира, включая упомянутого Борну. Оговорка эта, однако, не отменяет правомерности вопроса об истоках статуса Трпимира как «дукса хорватов». Если время издания грамоты Трпимира – это верхняя граница формирования гентильного королевства, то когда именно оно образовалось и какие факторы этому способствовали?

Как уже отмечалось в историографии (Margetić 1995), обстоятельством, благоприятствовавшим эмансипации хорватов от франкских структур власти, стало последовавшее вслед за вторжением болгар в Паннонию отстранение в 828 г. от должности фриульского дукса (маркграфа) Бальдерика, в обязанности которого входило осуществлять надзор над Далмацией и южной частью Паннонии, и разделение Фриульской марки между четырьмя графами (Documenta. P. 333). Под 836 г. в качестве фриульского дукса впервые упоминается франкский аристократ Эберхард (см. о нем: Fees 1993), начавший править во Фриуле, скорее всего, в 834 г., когда старший сын Людовика Благочестивого Лотарь по окончании острого конфликта с отцом водворился в Италии, приведя с собой часть франкской знати. Согласно свидетельству Андрея Бергам-

ского, именно Эберхард, став правителем Фриуля, положил конец славянским нападениям (MGH SRL 1878. P. 226).

О наличии добрососедских отношений между Трпимиром и Эберхардом, свидетельствует присутствие имен Трпимира и его сына Петра среди имен паломников на страницах Чивидальского евангелиария (Vedriš 2023. S. 187–192), а также пребывание при дворе Трпимира богослова Готшалка, которому Эберхард оказывал покровительство (Rapanić 1992. S. 92–97). В свете этих фактов можно думать, что политика Эберхарда в отношении хорватов, если и включала в себя элементы силового давления, то уж точно к нему не сводилась. Не следует ли именно в контекст этих миротворческих усилий поместить миссию Мартина? Так или иначе, но в свете данных грамоты Трпимира складывается впечатление, что королевство хорватов было не простым продолжением дуката Борны, а инновацией, элементом новой «архитектуры безопасности», которая формировалась в королевстве Лотаря в условиях преодоления последствий кризиса, потрясшего франкский мир в 829–834 гг.

Новый *modus vivendi* в отношениях франков и хорватов создавал благоприятную среду для протекания в Далмации социокультурного процесса, который принято именовать «подражанием империи» (*imitatio imperii*). Такого рода подражание, свойственное многим политиям, формировавшимся на периферии империй, на определенном этапе могло перерасти в своего рода соперничество (*aemulatio*) (Chrysos 2003. P. 18; Majnarić 2018). Не следует ли в таком случае усматривать в восприятии титула дукса хорватов, появление которого было обусловлено рецепцией франкского этнополитического дискурса, форму такого соперничества? Думается, хорваты могли стать одним из тех «каролингских народов» в терминологии Х. Раймица (Reimitz 2015. P. 441), которые, по его наблюдениям, переопределили свои идентичности на основе каролингского культурного опыта, когда последовавший после 829 г. кризис «имперской» франкской идентичности создал для этого необходимые условия (Ibid. P. 440). Если это так, то представление о договоре хорватов с папой могло являться элементом процесса выстраивания новой хорватской идентичности по каролингской модели. Этот процесс, как можно думать, отвечал как целям короля Италии Лотаря, заинтересованного в стабильности на рубежах своего королевства, так и целям Трпимира, стремившегося к легитимизации своего статуса фактически самостоятельного гентильного правителя. Конечно, в отличие от франков, хорваты не рассматривались как защитники Римской церкви, однако они могли, по крайней мере, не создавать проблем для франков, получив взамен гарантии безопасности от апостола Петра, чья роль покровителя франков превращала его также в покровителя хорватов как нового «каролингского народа».

- Алимов Д.Е.* «Переселение» и «крещение»: к проблеме формирования хорватской этничности в Далмации // SSBP. 2008. № 2 (4). С. 94–116. [*Alimov D.E.* «Pereselenie» i «kreshchenie»: k probleme formirovaniya khorvatskoy etnichnosti v Dalmatsii («Migration» and «Conversion»): On the Problem of the Formation of the Croat Ethnicity in Dalmatia) // SSBP. 2008. No. 2 (4). S. 94–116.]
- Алимов Д.Е.* Этногенез хорватов: Формирование хорватской этнополитической общности в VII–IX вв. СПб., 2016. [*Alimov D.E.* Etnogenez khorvatov: Formirovaniye khorvatskoy etnopoliticheskoy obshchnosti v VII–IX vv. (Ethnogenesis of the Croats: the Formation of the Croat Ethnopolitical Community in the 7th–9th Centuries). St. Petersburg, 2016.]
- Алимов Д.Е.* Известия Константина Багрянородного о крещении сербов и хорватов в правление императора Ираклия (610–641): проблема интерпретации // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 214–224. [*Alimov D.E.* Ivestiya Konstantina Bagryanorodnogo o kreshchenii serbov i khorvatov v pravlenie imperatora Irakliya (610–641): problema interpretatsii (Constantine Porphyrogenitus’s Accounts of the Conversion of the Serbs and Croats under Emperor Heraclius (610–641): a Problem of Interpretation) // Khristianskoe chteniye. 2018. No. 4. S. 214–224.]
- Коматина П.* Константин Порфиригенит и рана историја Јужних Словена. Београд, 2021. [*Komatina P.* Konstantin Porfirigenit i rana istorija Južnih Slovena (Constantine Porphyrogenitus and the Early History of the South Slavs). Belgrade, 2021.]
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Г.Г. Литаврина, А.П. Новосельцева; пер. Г.Г. Литаврина. 2-е изд. М., 1991. [*Konstantin Bagryanorodnyy.* Ob upravlenii imperiyey (Constantine Porphyrogenitus. On the Governance of the Empire) / Ed. G.G. Litavrin, A.P. Novosel’tsev; transl. by G.G. Litavrin. 2nd ed. Moscow, 1991.]
- Хроники Фредегара / Пер. с лат., комм., вступ. статья Г.А. Шмидта. СПб., 2017 [Khroniki Fredegara (Chronicles of Fredegar) / Transl., Commentaries and Introductory Article by G.A. Shmidt. St. Petersburg, 2017.]
- Alimov D.* Hrvati, kult Peruna i slavenski *gentilizam* (Komentari na hipotezu Ante Miloševića o identitetu Porina i Peruna) // SHP. Ser. III. 2016. Sv. 43. S. 141–164.
- Ančić M.* Ranosrednjovjekovni Neretvani ili Humljani: Tragom zabune koju je prouzročilo djelo De administrando imperio // Hum i Hercegovina kroz povijest. Zbornik radova s međunarodnoga znanstvenog skupa održanog u Mostaru 5. i 6. studenog 2009. Knj. I / Ur. I. Lučić. Zagreb, 2011. S. 217–278.
- Annales Mettenses Priores (Scriptores rerum Germanicarum in usum scholarum ex Monumentis Germaniae historicis separatim editi). Hannoverae; Lipsiae, 1905.

- Annales Regni Francorum et Annales qui dicuntur Einhardi / Rec. F. Kurze. Hannoverae, 1895.
- Budak N. Tumačenje podrijetla Hrvata i najstarije povijesti Hrvata u djelima srednjovjekovnih pisaca // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 73–78.
- Caspar E. Pippin und die Römische Kirche: Kritische Untersuchungen zum Fränkisch-Päpstlichen Bunde im VIII. Jahrhundert. B.; Heidelberg, 1914.
- Chrysos E. The Empire, the Gentes and the Regna // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut and W. Pohl; with the Collaboration of S. Kaschke. Leiden; Boston, 2003. P. 13–19.
- Dabinović A. Državnopravni odnos Hrvata prema istočnom carstvu // Rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti. 1941. Knj. 270. S. 49–148.
- Daly W.M. St. Peter: An Architect of the Carolingian Empire // Studies in Medieval Culture (Kalamazoo, Mich.). 1973. Vol. IV. P. 55–69.
- Dzino D. Becoming Slav, Becoming Croat: Identity Transformations in Post-Roman and Early Medieval Dalmatia. Leiden; Boston, 2010.
- Fees I. Eberardo marchese del Friuli // Dizionario biografico degli Italiani / Ed. A. Ghisalberti. Vol. 42: Dugoni – Enza. Roma, 1993. P. 252–255.
- Goetz H.-W. Introduction // Regna and Gentes: The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World / Ed. by H.-W. Goetz, J. Jarnut and W. Pohl; with the Collaboration of S. Kaschke. Leiden; Boston, 2003. P. 1–12.
- Howard-Johnston J. The De Administrando Imperio: A Re-examination of the Text and a Re-evaluation of its Evidence about the Rus // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient. Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Ed. par M. Kazanski, A. Nercessian, C. Zuckermann. P., 2001. P. 301–336.
- Jenkins R.J.H. General Introduction // *Constantine Porphyrogenitus. De Administrando Imperio*. Vol. II: Commentary / Ed. by R.J.H. Jenkins with Contributions by F. Dvornik, R.J.H. Jenkins, B. Lewis, Gy. Moravcsik, D. Obolensky, S. Runciman. L., 1962. P. 1–8.
- Komatina P. O hronologiji hrvatskih vladara u 31. glavi spisa De administrando imperio // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 83–105.
- Lončar M. Porfirogenetova seoba Hrvata pred sudom novije literature // Diadora. 1992. Sv. 14. S. 375–448.
- Lončar M. Vremenski nesklad između odlomaka 31. poglavlja De administrando imperio // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 107–116.
- Majnarić I. Aemulatio imperii and the South-Eastern Frontier of the Carolingian World // Imperial Spheres and the Adriatic. Byzantium, the Carolingians and the

- Treaty of Aachen (812) / Ed. by M. Ančić, J. Shepard, and T. Vedriš. L., 2017. P. 43–56.
- Margetić L.* Bilješke uz Trpimirovu ispravu (CD I, 3–8) // Zbornik radova Pravnog fakulteta u Splitu. 1993. God. 30. Br. 1. S. 47–51.
- Margetić L.* Bilješke u vezi s nastankom hrvatske države u 9. stoljeću // Etnogeneza Hrvata / Ur. N. Budak. Zagreb, 1995. S. 144–147.
- Markotić V.* Ho ton Hrobaton Theos, Porphyrogenitus' God of the Croats // Mandićev zbornik. U čast o. dra Dominika Mandića prigodom njegove 75-godišnjice života. Rim, 1965. S. 11–37.
- Matijević Sokol M.* 1150. obljetnica darovnice kneza Trpimira // 100 godina Arheološkog muzeja Istre u Puli: nova istraživanja u Hrvatskoj (Znanstveni skup, Pula, 8.–12. listopada 2002) / Odgovorni ur. D. Komšo. Zagreb, 2010. (Izdanja Hrvatskog arheološkog društva; 25). S. 8–18.
- Milošević A.* Tko je Porin iz 30. glave De administrando imperio? // SHP. Ser. III. 2013. Sv. 40. S. 127–134.
- Rapanić Ž.* Solinska epizoda europske povijesti // Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku. 1992. Sv. 85. S. 91–116.
- Reimitz H.* History, Frankish Identity and the Framing of Western Ethnicity, 550–850. Cambridge, 2015.
- Sakač S.K.* Ugovor pape Agatona i Hrvata proti navalnom ratu (oko god. 679) // Croatia Sacra. 1931. Vol. I. S. 1–84.
- Shchavelev A.S.* Treatise De Administrando Imperio by Emperor Constantine VII Porphyrogenitus: Date of the Paris. gr. 2009 Copy, Years of Compiling of the Original Codex, and a Hypothesis about the Number of Authors // Studia Ceranea. 2019. Vol. 9. P. 681–704.
- Šišić F.* Genealoški prilozi o hrvatskoj narodnoj dinastiji // Vjesnik Arheološkog muzeja u Zagrebu. 1914. Sv. 13. Br. 1. S. 1–93.
- Vansina J.* Oral Tradition as History. Madison, 1985.
- Vedriš T.* Razgovor ugodni: Konstantin VII Porfirogenet i percepcije najranije hrvatske povijesti // RZHP. 2010. Knj. 42. S. 13–36.
- Vedriš T.* Novi pogled na Čedadski evangelijar kao izvor za hrvatsku povijest devetog stoljeća // Magistra famosa. Zbornik u čast Mirjani Matijević Sokol / Ur. I. Botica, T. Galović, D. Karbić, S. Simon, F. Šimetin Šegvić, N. Šimetin Šegvić, M. Trogrlić. Split, 2023. S. 167–210.
- Werner K.F.* Völker und Regna // Beiträge zur mittelalterlichen Reichs- und Nationsbildung in Deutschland und Frankreich / Hrsg. von C. Brühl und B. Schneidmüller. München, 1997. (Historische Zeitschrift. Beihefte Neue Folge; 24). S. 15–44.
- Živković T.* De Conversione Croatorum et Serborum: A Lost Source. Belgrade, 2012. (a)

Živković T. Nova tumačenja vesti o južnoslovenskim gentes u De administrando imperio vizantijskog cara Konstantina VII Porfirogenita (944–959) // GCBI ANU BiH. Sarajevo, 2012. Knj. 41. S. 201–210. (b)

Denis E. Alimov

WHY DON'T THE CROATS WANT TO FIGHT AGAINST OTHER NATIONS? ON THE INTERPRETATION OF THE ACCOUNTS BY CONSTANTINE PORPHYROGENITUS ON THE TREATY OF THE CROATS WITH THE POPE (DAI, CH. 31)

The article examines the accounts about the treaty between the Croats and the Pope from ch. 31 of the mid-10th century treatise “De administrando imperio” by the Byzantine emperor Constantine Porphyrogenitus. Contrary to the traditional opinion according to which the accounts reflect some real contacts between the Croats and Rome in the 7th century or during the reign of the Croat *dux* Branimir (879–c. 892), the author substantiates the hypothesis according to which the idea of an oath given by the Croats to the Pope promising not to fight against other peoples, and of a prayer received from the Pope which ensured the Croats the intercession of St. Peter in case they were being attacked, arose in the context of the formation of the Croat gentile kingdom (*regnum Chroatorum*) in the territory of Frankish Dalmatia in the second third of the 9th century. The emergence of the idea of a special relationship between the Croats and Rome is considered by the author as a result of communication between the Franks and the Croats that ensured a mutually acceptable legitimization of a new status of the Croat elite in the political and ideological space of the Carolingian realm for which special relations with Rome and the patronage of St. Peter were of fundamental importance.

Keywords: Constantine Porphyrogenitus, Frankish empire, the Carolingians, Croatia, *imitatio imperii*

DOI: 10.32608/1560-1382-2025-46-196-211